

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.11

¹ Арустамян Д.Г., ¹ Харатокова М.Г.

¹ Московский университет «Синергия»

К проблеме перевода (на примере значения термина «текст»)

Аннотация: главной целью данной статьи является определение термина *текст*, так как существующее описание вводит в заблуждение и не отвечает на главный вопрос о том, чем же является текст, как в лингвистическом, так и в применительном смысле. Для решения данной проблемы авторами предложена альтернативная, иносказательная или образная форма подачи информации. Основываясь на этом, они пришли к выводу, что текст – это непосредственно физический носитель, использовать который можно в качестве объекта для хранения, передачи объема информации с неограниченным (символьно-графическим) содержанием, которое несет в себе информацию договорного характера с единым пониманием для всех участников.

Ключевые слова: текст, межкультурная коммуникация, лексические единицы, переводческая деятельность, адаптация

Для цитирования: Арустамян Д.Г., Харатокова М.Г. К проблеме перевода (на примере значения термина «текст») // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 156 – 163.

Поступила в редакцию: 05 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

¹ Arustamyan D.G., ¹ Kharatokova M.G.

¹ Moscow "Synergy" University

On the problem of translation (using the example of the meaning of the term “text”)

Abstract: the main purpose of this article is to define the term *text*, as the existing description is misleading and does not answer the main question of what the text is, both linguistically and philosophically. To solve this problem, the authors propose an alternative, allegorical or figurative form of information presentation. Based on this, they came to the conclusion that text is a physical medium itself, which can be used as an object for storing and transmitting a volume of information with unlimited (symbolic and graphical) content, which carries information of a contractual nature with a common understanding for all participants.

Keywords: text, interlanguage communication, lexical units, translation activity, adaptation

For citation: Arustamyan D.G., Kharatokova M.G. On the problem of translation (using the example of the meaning of the term “text”). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 156 – 163.

The article was submitted: September 05, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Человечество разделено не только континентами, рубежами естественных преград, политическими границами, но и границами информационными. В частности, речь идет о различии между языками, которые

становятся той самой преградой для взаимопонимания между народами, как между представителями одного вида. Это обусловлено, прежде всего, различием языков, как основы генерации, передачи и хранения информации.

Непонимание языков друг друга приводит к грандиозным сложностям в межкультурной коммуникации. Эта проблема стояла на заре межкультурных коммуникаций и остается актуальной и по сей день. Целью данной статьи является определение термина текст, так как существующее описание вводит в заблуждение и не отвечает на главный вопрос о том, чем же является текст, как в лингвистическом, так и в философском смысле.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили работы в области изучения понятия текста, извлеченные методом сплошной выборки из следующих лексикографических источников:

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. КомКнига. 2007.
2. Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методический аспекты. Русский язык. 1981.
3. Дворецкий И.Х. Латинско-Русский словарь. Около 50000 слов. Издание второе, переработанное и дополненное. Русский язык. 1976.
4. Колшанский Г.В. Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения. Иностранные языки в школе. 1985.
5. Лукин В.А. Художественный текст. Ось-89. 2005.
6. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения. Наука. 1985.

К исследованию также привлекались сведения о понятии текста таких зарубежных авторов, как П. Хайду (1990), П. Рикёр (1978), Ч. Риган (1978), Д. Пелозер (1979), Ван Дьюк (2014), Д. Хай (2024), Водак (2013).

Методология исследования включает в себя: а) сбор данных: сбор данных путем наблюдения, записи и транскрипции; б) анализ дискурса: анализ дискурса для выявления функций и закономерностей использования термина «текст» в социуме; в) социолингвистические опросы и интервью: проведение опросов и интервью для сбора данных о восприятии текста, языковых предпочтениях и языковой идентичности.

Результаты и обсуждения

Очевидным является факт, что чем выше, в широком смысле, развивается культура народов, тем усложняется семантика лексических единиц, лингвистических конструкций и контекст информационного замысла. Важным механизмом подобного усложнения являются множество факторов, среди которых основными можно выделить фольклор, разговорный язык и особенно художественную литературу. Именно они предают новые прочтения обычным словам, наделяя их несвойственными, до введения в оборот, значениями.

Для решения проблемы понимания друг друга между носителями разных языков логичным шагом в истории человечества было развитие переводческой деятельности. Исходя из представления о таком явлении как язык, можно предположить, что люди по всему миру имеют, в целом, схожие принципы взаимодействия с информацией, иначе говоря, функции, свойства, цели, задачи и другие действия, связанные с языком, являются идентичными. Однако человеческое мышление в глобальном контексте – это незапрограммированный процесс с единым стандартом. В условиях группирования человечества, как объекта по разного рода субъектам, где в каждой группе существуют свои некодифицированные языки, часть элементов из которых рано или поздно попадает в языки официальные, получить минимальный шанс законсервировать язык в каком-то одном виде, является задачей невыполнимой.

Таким образом, даже самые консервативные сообщества не способны удержать язык в стагнации. Этому, как говорилось ранее, способствуют в основном фольклор, разговорная речь и художественная литература. Последние особенно сильно проявляют себя в части искажения существующих значений слов, проводя их сквозь трансформационный конвейер авторского и художественного слова, который зачастую мгновенно популяризируется настолько, что общество буквально забывает о предыдущем значении, взяв новое в качестве эталона. Не приводя всем известных примеров, напомним, что совершенно безобидные слова и фразеологизмы прошлого сегодня приобрели настолько грязный и оскорбительно пошлый, вульгарный контекст, что их выводят из литературного оборота. В то же время, популярность некоторых новых образов и фразеологизмов в обществе приобретает настолько привычное звучание в новом значении, что постоянное их употребление буквально превращает первоначальный смысл в архаизм.

Такие неологизмы и фразеологизмы не только в официальных, но и в разговорных языках с учетом различных территориальных и социальных диалектов вносят практический хаос в перевод. Доносимый объем информации необходимо тщательно препарировать и адаптировать для носителя языка, на который осуществляется перевод.

Адаптация происходит различными средствами, например, лексико-грамматическими и иными методами трансформаций, среди которых конкретизация, генерализация, модуляция и многое другое. Это все призвано на помощь тем, кто конвертирует один и тот же объем информации в равнозначный в других языках. Заменяя оригинальные слова и выражения в переводимом языке на аналогичные в языке перевода, переводчик преследует единственную цель – донести полный информационный пакет, включая контекст и посыл автора.

В классическом представлении большинства ученых этот информационный пакет и его объем принято считать текстом. Разберем несколько основных представлений этого термина учеными в области лингвистики.

Российские лингвисты И.Р. Гальперин [1, с. 18], В.А. Лукин [5, с. 5], Г.В. Колшанский [4, с. 10], Н.Д. Зарубина [2, с. 11], Сорокин Ю.А. [6, с. 62] и другие, в основном, указывают на текст как информационный продукт письменного характера. Такого же мнения придерживаются и такие зарубежные авторы, как П. Хайду [8, с. 671], П. Рикёр [9, с. 102], Ч. Риган [10, с. 45], Д. Пелозр [11, с. 98], Ван Дьюк [12, с. 407], Д. Хай [13, с. 307], Водак [14, с. 341]. Из их высказываний можно сделать умозаключение, что текстом является информация, содержащаяся на носителе. Запомним это утверждение и разберемся, так ли это и может ли быть аргументированная альтернатива?

Перевод между языками сама по себе задача непростая, чему есть ряд обстоятельств. Для начала важно понять, что из себя представляет язык.

Язык в широком лингвистическом смысле или в смысле инструмента общения людей друг с другом, это систематизированная устная или письменная форма генерации, передачи и хранения информации.

Однако, если по разным представлениям ученых-лингвистов текстом считается некий окончанный объем сообщения, то по какой причине споры о том, что является текстом, продолжаются по сей день? Заострив внимание на том, что все заявляют текст как информацию, хранящуюся на носителе, они упускают ключевую деталь, которая и создает почву для споров.

Это побудило нас взяться за исследование столь актуальной проблемы, которая при ошибочной трактовке способна увести по ложному пути.

Отталкиваясь от исследований о тексте, мы стали склоняться в пользу того, что текст – это не столько информация, хранящаяся на носителе, сколько сам носитель при содержании какой-либо информации. И тут стоит особенно сосредоточить внимание, так как парадоксально, что даже отсутствие информации может указывать на ее наличие. Кажущееся бессмыслицей, данное утверждение, в действительности, имеет под собой основание. Чтобы разобраться, что за подобным высказыванием стоит, необходимо смоделировать ситуацию с учетом всех аспектов значения языка (как системы) и взаимодействия с информацией.

Принимая во внимание тот факт, что письменный язык, состоящий из слов, в минимальном значении состоит из букв, то сами буквы, в отличие от рисунка, являются условными графическими символами. Иначе говоря, все известные письменные языки всего человечества передают информацию с помощью носителей именно, посредством символов. Это, в свою очередь, прямо указывает на характер восприятия письменной информации читающего, как символизм. В этом же смысле проблемы дислексии и дисграфии, возможно, стоило бы искать, включая во внимание нарушения восприятия символизмов в целом, а не только в письме.

Итак, если графическое письмо в тексте является символьным, то оно собой представляет символизм. Моделируя ситуацию, где все стороны находятся в информационном обмене, в котором определяющим условием будет обязательное знание какого-либо языка, включая даже выдуманного, которым владеют только эти субъекты, например, шифровка, то такой язык будет иметь договорной характер. Заметим, что, собственно, любой язык имеет договорной характер. Послание, которое получит адресат, должно быть ему понятно, как определенный информационный объем. Представим, что двое договорились, что в тексте могут быть разные информационные сообщения. Читая их, адресат понимает суть. Например, стороны договорившись заранее, что на какой-то секретной операции, если в тексте написано слово свет, то адресат должен включить свет, привлекая к себе внимание. Если же написано, что стул привезут завтра утром; пожалуйста, встретьте его и проверьте на наличие брака, то адресат должен наблюдать за кем-то, сидящем в оговоренном месте. Однако в случае, если послание в виде носителя, например, бумаги, будет пустым, то это значит, что операция под угрозой раскрытия, необходимо немедленно свернуть всю деятельность и максимально незаметно пробраться через крышу, по маршруту, который был указан в момент подготовки операции и прибыть в штаб.

Как мы видим из этих трех посланий, лишь второе отвечает признакам текста, предложенным лингвистами. Так ли это в действительности? Ведь все три послания являются носителями важнейшей информации, по сути, точным заданием и указанием к действиям. То есть, они несут равноценное содержание.

Ниже уточним данную версию: допустим, что в этой модели была и еще одна сторона, которая следила за адресатом, получившим послание. Что он увидел, и как он будет рапортовать своему руководству? Он может сообщить в числе прочих и следующее: Наблюдая за объектом, видел, что он, долго держа текст перед глазами, сильно взволновался, поднялся на крышу...

Исходя из примера, будет ли справедливо заявить, что персонаж событий держал в руках текст, без единого написанного на нем символа? Мы убеждены, что все три послания являются текстом.

Мы считаем, что текстом является носитель, имеющий неограниченное информационное графическо-символьное сообщение или послание, включая нулевое, которое будет достаточным для интерпретации его содержания получателем этого послания. В таком ключе для нас многое непонятное приобретает смысл.

Так, кажущийся для кого-то несвязный по логике набор символов на любой поверхности, для осведомленного будет содержательным в информационном плане, где эта поверхность будет выступать в роли текста. И, конечно же, что-то, написанное в воздухе, текстом быть не может, так как воздух не является носителем.

Пожалуй, наилучшим сравнительным примером значения текста является современный электронный носитель информации (файл), который одним своим существованием уже несет информацию, идентифицируя себя как объект и, надо заметить, что конкретный файл несет конкретную информацию. Рассмотрим, к примеру, документ Word – файл, содержащий информацию. Виртуальная бумага на экране монитора и информация на нем является текстом. Файл – это носитель, то есть, текст, а информация, находящаяся в нем, является содержимым текста. То есть, чтобы получить доступ к конкретной информации, нужно открыть конкретный файл. Именно носитель, содержащий информацию, является той тканью, покрытием или поверхностью, которая содержит в себе информационный объем.

Для большего понимания значения термина текст, необходимо обратиться к этимологии слова. Вспомним такие слова, как текстура или текстиль. Легко узнается корень текст. Принято считать, что слово текст происходит от *texo* – ткань [3, с. 1010]. С одной стороны, этого определения было бы достаточно, с другой стороны, с этим утверждением мы можем согласиться лишь частично. Ведь это не единственное и не окончательное слово в поиске. По нашим представлениям текст происходит от корня *tes~*, еще более глубокого, который, в числе прочих, имеет смысл – укрытие, (*tectio*) скрытый [3, с. 1000]. По всем предпосылкам, это явление появилось в период неолита, когда из различного рода переплетенных волокон ткалось полотно для укрытия и жилищ, и человека, например, одежда, одеяло. Иными словами, приблизительный аналог этого корня в русском языке будет крыт. В более широком, образном значении этот термин можно связать с полотном, плоской поверхностью, тканной материей и подобным ею, которой можно прикрыться, или в которую можно обернуться. В подобном контексте может иметь значения: скрутку, сверток или свиток. До изобретения книги свитки пергамента, папируса, шелка, кожи использовали для письма [7, с. 1052]. Это вписывается в логику представления о древнем виде хранения и передачи информации и, в таком случае, слова текст и свиток можно считать тождественными.

Известно, что в прошлом для хранения и передачи графической информации использовали свитки или тексты. И каждый такой свиток (текст) мог хранить конкретную, записанную в нем информацию. Более того, такой свиток (текст) мог быть пустой заготовкой и не иметь никакой информации, однако такой изготовленный объект не переставал быть свитком (текстом) ровно по аналогии с приведенным примером электронного документа. Из этого можно сделать вывод, что текстом, как объектом для символично-графического хранения информации являлся изначально совершенно определенный носитель в виде скрученного полотна.

Аналогом свитка или текста может служить привычная книга. Это тот же текст (свиток), изменивший формат, сохранив все те же свойства – конкретная книга несет конкретную информацию. По этой причине текст не может быть устным, даже при условии, что его носителем выступает сам автор, либо свидетели.

Консервативное мышление не только сохранило право называть книгу текстом, но и ошибочно перенесло значение слова текст от носителя для информации в непосредственно информацию на носителе, что указывает на существенную разницу.

Для понимания того, что текст является носителем символично-графической информации, можно провести параллель с живописью, где традиционно в роли текста выступает «холст». Это аналогия, с той лишь разницей, что холст предназначен для нанесения на него изображения. Однако холст, как и текст, стал приобретать ошибочное значение, применяемое в широком смысле в контексте не столько объекта для хранения и передачи изобразительной информации, сколько саму такую информацию.

Как и с примером холста, находящегося в процессе потери истинного значения, слово текст полностью утратило оригинальное значение, сменив носитель на содержание. Поскольку слово текст в русском языке

является заимствованным, то и ответственность за его такое представление лежит на носителях языка, где такая подмена произошла.

При передаче информации часто в художественной литературе или речи используются аналогии. Такая форма иносказательности обычно называется образами, образными выражениями или словами.

Перевод информационного объема несет в себе сложности, как правило, именно в части той самой образности, так как иносказательность является особенностью конкретного носителя культуры и конкретного языка.

По этим причинам, особенно в разговорной речи, слова, термины, фразы имеют множество значений, порой даже иносказательность вторичного порядка, которые в прямом переводе звучат непонятно.

В современных реалиях в эпоху высокоразвитых средств массовых коммуникаций динамика появления новых фразеологизмов столь высока, что смысловой перенос информационного объема из одного языка в другой становится большой проблемой, также, как сохранение целостности и эквивалентности. Целью переводчика является не только понять смысл образов, но и контекст сказанного. В художественной литературе за создание контекста отвечает автор, который в ходе передачи замысла, подготавливает читателя до основной мысли, либо разъясняет ее различными приемами после, а также расширяет объем сопутствующей информации в передаваемой мысли.

В этом случае переводчикам становится крайне сложно полностью передать саму суть идеи, сохранив художественный стиль и авторский почерк. Образы, которые используются в оригинале, воздействуют на читателя, вызывая эмоции; они предсказуемо утрачивают свою эффективность при прямом переводе. Задача переводчика создать аналогии этих образов на базе оригинала информационного объема, адаптируя под читателя, носителя языка, на который делается перевод. Создание своих образов, отступление от оригинала, сохранение посыла, использование существующих слов оригинального информационного объема, и при этом вызов таких же или больших эмоций, следование только точной передаче смысла, а не точных слов – это то, к чему должен стремиться переводчик.

В привычном понимании информационный объем принято считать текстом. Мы считаем, что подобное применение слова текст является ошибочным. Это можно назвать другим словом, но не текстом. У каждого слова есть свое точное значение. Ошибочное применение слов приводит к ошибочному мышлению, что приводит к ошибочной интерпретации и ошибочному переводу, что в итоге приводит к ошибочной ретрансляции замысла в межкультурном обмене.

Перевод текста не может относиться к фрагменту, например, книги. Фраза «перевод книги», указывает на перевод всего ее содержимого. То же справедливо и в отношении текста. Перевод текста является переводом всего содержимого на конкретном носителе, выступающим в роле текста, а не выделенного фрагмента. И даже в таком случае, выделенный фрагмент может считаться текстом, если его перенесут на другой носитель, наделив самостоятельностью.

Искажение смысла слов, особенно в области лингвистики, наносит катастрофический урон во всех областях жизнедеятельности носителей языка. Появляются трактовки различного характера, не противоречащие правилам языка, открываются возможности для манипуляций и злоупотреблением различного толка.

Отсутствие конкретного слова для обозначения объекта, явления или термина, заполняется сумбурно, что приводит к трудностям и разночтениям. Примером такой сумбурности, в русском языке является отсутствие оригинального корня для слова «находка». Для создания нового корня наход- мы использовали корень «ход» с префиксом «на-» для обозначения неожиданного обнаружения чего-то. Однако даже в толковых словарях слово находка описывается однокоренным же словом найденная вещь [7, с. 602], что также указывает на отсутствие оригинального корня. Попытка применить дополнительные префиксы к таким новым корням вызывают затруднения, что косвенно указывает на вхождение в корень префикса. Корень наход- ничего общего не имеет с действием, которое оно описывает.

Более того, одними из форм этого слова являются такие слова, как нахождение или находится, активно используемые в математике (например, нахождение периметра квадрата или площадь квадрата находится путем умножения сторон), то есть слово указывает на результат поиска. В то же время, это же слово в таком же написании и прочтении употребляется в значении присутствия. То есть, одни и те же слова того же корня и тех же морфем используются для обозначения не связанных по смыслу терминов с той лишь разницей, что лазейкой для обхода правил был использован симбиоз префикса на- и корня ход в единый корень наход-.

Этот пример подтверждает тот факт, что в русском языке слово, указывающее на подобное действие, явление или термин, отсутствует, во всяком случае, в части массового лексикона, несмотря на весь богатый перечень синонимов; слово пришло в язык сумбурно.

Следует добавить, что подобные слова создают дополнительные сложности как переводчикам, так и особенно системам автоматизированного перевода. Связанно это, прежде всего с тем, что переводящий субъект (не носитель обоих языков) не может однозначно, уверенно понять, о чем идет речь. Особую сложность для перевода добавляет и разговорный вариант тех же слов. Например, предложив спутнику «...давай походим еще по тому соседнему парку, ты в нём находился когда-нибудь?», можно услышать в ответ находился (в контексте с меня хватит, я уже нагулялся / устал), который ровно так же может указывать и на то, что отвечающий уже бывал в том парке. Нельзя исключать, что такой вариант данного слова вполне может быть использован и в художественной литературе, в частности, в словах автора.

Выводы

Подводя итог вышесказанному, мы приходим к выводу, что искажение и неверная трактовка слов усложняет межкультурную и меязыковую коммуникацию как качеством понимания друг друга по средствам перевода, так и формированием ошибочного мировоззрения, уводя по ложному пути, подтверждением чему является слово текст. Оно по нашим представлениям является непосредственно физическим носителем, использовать который можно в качестве объекта для хранения, передачи объема информации с неограниченным (символьно-графическим), включая нулевым (то есть отсутствием записей) содержанием, несущим в себе информацию договорного характера с единым пониманием для всех участников.

Условным аналогом текста как носителя может выступать любая поверхность, которую можно применить в качестве хранения и передачи информации. В то время как непосредственно сама информация является содержимым текста, но не самим текстом, как принято считать. Мы воспользовались методами, продемонстрированными выше для донесения мысли о том, что такое текст. Была предложена альтернативная, иносказательная или образная форма подачи информации – сравнительная; основываясь на ней, нам проще было принять понятие этого термина. Также мы нашли прямую связь между ошибочным употреблением слов, их восприятием и переводом.

Мы не считаем, что смена значения слова не имеет право на существование или необходимо незамедлительно возвращение его в первоначальное значение. Правила языков и нужны для того, чтобы соблюдать обретенную или актуальную семантику. Однако понимание первоначального значения слов и уделение этому внимания вместе с осмыслением метаморфоз семантики во времени конкретного слова с его образными значениями помогают проще осмыслить и найти вариативные эквиваленты в языке, на который производится перевод. Так, на сегодняшний день повсеместно в мировой практике английский язык, как язык международного общения, внедрил свой вариант семантики слова «текст», будь то в фонетическом, транслитерационном или транскрипционном варианте в значении собственно информационного объема, находящегося на носителе, исключая смысл в значении непосредственно носителя. Это утверждение актуально лишь с оговоркой, что, собственно, сам английский язык заимствовал слово текст из других языков, лишь популяризовав его в сегодняшнем виде. К тому же, на русский язык ранее английского имели большое влияние немецкий, французский, латинский, греческий и другие языки, однако английский как наиболее популярный сегодня язык внес значительное влияние на данный термин.

Данный факт создаёт условия, при котором исключается возможность критически оценить приобретенное значение, искаженного первоначального смысла, воспринимая вариант семантики заимствованного слова как аксиому. Иначе говоря, при искаженном варианте, особенно при переводах в историческом аспекте появляются не просто разночтения, а глубочайшие изломы авторского замысла, которые в свою очередь приводят к ложному пути понимания картины мира и накопленной информации.

Примером такого глубинного разночтения может быть армянский язык, исторически сохранивший в себе оба варианта одного и того же корня слова текст как носитель и как информация в привычном значении. Однако в виду разного времени появления в армянском языке этого корня его семантика, написание и произношение разное. Тем не менее, корень сохранился вполне узнаваем. Տեքստ [tek'st] – представляет из себя относительно современное значение слова текст. Но более древнее слово տեղտ [t'ugt'] того же корня, с незначительно отличающейся фонетикой и написанием, переводится как бумага или, иначе говоря, носитель – то, на чем пишут. Проследить прямую связь корней просто. Во-первых, слова находятся в одной тематике. Во-вторых, если слово бумага встречается в древнеармянском языке (язык Грабар), то слово текст в нем отсутствует, что указывает на фактическое его относительно современное заимствование. В-третьих, фонетический и графический анализ прямо указывает на полную идентичность основных звуков, различия лишь по написанию и применению в разных вариантах армянских языков. Так, слово бумага – носитель (в предложенном нами значении) русскому уху будет слышаться как тухт, где звук т будет с придыханием, а слово текст в современном варианте звучит схоже – текст. При этом в некоторых диалектах армянского языка встречаются варианты слова бумага с произношением текст вместо тухт. Вариация же корня

бумажный – тхты, где пропадает гласная в первом слоге. В таком виде сухие корни (лишенные гласных) являются абсолютными близнецами с разницей лишь в фонемах кс и х, где данные звуки объяснимы вариантами произношения, которые встречаются и в других языках, например, в испанском: México – Мексика, Мехико, Texas – Техас и т.д.

Не исключено, что армяне заимствовали современный вариант слова текст в значении информации на носителе для обогащения языка и отделения его по смыслу от имеющегося слова того же корня, но сохраненным в этимологическом ключе носителя информации. В пользу этого говорит тот факт, что слово текст отсутствует в древнеармянском языке в современном значении информации на носителе, но оно же присутствует в значении бумага (носитель).

Этот пример прямо указывает на то, что перевод в историческом аспекте возможен с нарушением целостности современного представления этого корня. Вариации такого перевода могут быть как бумага, документ, текст, где будет не информационное содержание, а непосредственно физический носитель, который могут искаженно перевести как непосредственно информационное содержание. Конкретный пример показывает критическую ошибку, которая способна повести по ложному пути, нарушая целостность и эквивалентность перевода.

В перспективе, стоит обращать внимание на подобные трансформации корней и искажение при отходе от этимологического эталона, чтобы исключить ошибочное представление, в том числе в изучении переводоведения, исторических событий, описанных на других языках и улучшение понимания в межкультурных и межкультурных коммуникациях.

Список источников

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
2. Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1981. 113 с.
3. Дворецкий И.Х. Латинско-Русский словарь: около 50000 слов: 2 изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Русский Язык», 1976. 1096 с.
4. Колшанский Г.В. Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения // Иностр. яз. в шк. 1985. № 1. С. 10 – 14.
5. Лукин В.А. Художественный текст. М.: Ось-89, 2005. 555 с.
6. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука, 1985. 168 с.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений: 28-е изд., перераб. / под ред. Л.И. Скворцова. М.: Мир и Образование, 2019. 1376 с.
8. Haidu P. The Semiotics of Altority: a Comparison with Hermeneutics // New Literary History. 1990. Vol. 21. No. 3. P. 671 – 691.
9. Ricoeur P., Charles E. Reagan. Interviews // Paul Ricoeur: his Life and Work. Chicago: The University of Chicago Press, 1978. 206 p.
10. Charles E. Reagan, David Stewart. The Philosophy of Paul Ricoeur: An Anthology of his Works. Boston: Beacon Press, 1978. 169 p.
11. Pellauer D., Charles E. Reagan The Significance of the Text in Paul Ricoeur's Hermeneutical Theory in the Philosophy of Paul Ricoeur. Athens: Ohio University Press, 1979. P. 98 – 114.
12. Van Dijk, Teun A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 407 p.
13. Xie D., Sun Y. Decolonizing English academic writing education through translanguaging practices. Linguistics and Education. 2024. 307 p.
14. Wodak, Meyer M. Methods of critical discourse analysis. 2013. Vol. 1. 341 p.

References

1. Galperin I.R. Text as an Object of Linguistic Research. Moscow: KomKniga, 2007. 144 p.
2. Zarubina N.D. Text: Linguistic and Methodological Aspects. Moscow: Russkiy Yazyk, 1981. 113 p.
3. Dvoretzkiy I.Kh. Latin-Russian Dictionary: About 50,000 Words: 2nd Edition, Revised and Supplemented. Moscow: Russkiy Yazyk Publishing House, 1976. 1096 p.
4. Kolshanskiy G.V. Linguocommunicative Aspects of Speech Communication. Foreign Languages in Schools. 1985. No. 1. P. 10 – 14.
5. Lukin V.A. Fiction. Moscow: Os-89, 2005. 555 p.
6. Sorokin Yu.A. Psycholinguistic Aspects of Text Study. Moscow: Nauka, 1985. 168 p.

7. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language: approx. 100,000 Words, Terms, and Phraseological Expressions: 28th ed., revised. Edited by L.I. Skvortsov Moscow: Mir i Obrazovanie, 2019. 1376 p.
8. Haidu P. The Semiotics of Altority: a Comparison with Hermeneutics. New Literary History. 1990. Vol. 21. No. 3. P. 671 – 691.
9. Ricoeur P., Charles E. Reagan. Interviews. Paul Ricoeur: his Life and Work. Chicago: The University of Chicago Press, 1978. 206 p.
10. Charles E. Reagan, David Stewart. The Philosophy of Paul Ricoeur: An Anthology of his Works. Boston: Beacon Press, 1978. 169 p.
11. Pellauer D., Charles E. Reagan The Significance of the Text in Paul Ricoeur`s Hermeneutical Theory in the Philosophy of Paul Ricoeur. Athens: Ohio University Press, 1979. P. 98 – 114.
12. Van Dijk, Teun A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 407 p.
13. Xie D., Sun Y. Decolonizing English academic writing education through translingual practices. Linguistics and Education. 2024. 307 p.
14. Wodak, Meyer M. Methods of critical discourse analysis. 2013. Vol. 1. 341 p.

Информация об авторах

Арустамян Д.Г., факультет лингвистики, Московский университет «Синергия», diego14@yandex.ru

Харатокова М.Г., доктор филологических наук, профессор, кафедра иностранных языков, Московский университет «Синергия», mariatharatokova@yandex.ru

© Арустамян Д.Г., Харатокова М.Г., 2025